

Т. С. Злотникова

**Творец и массовая культура в аспекте двойственности
и многозначности взаимодействий**

Выполнено по гранту Российского научного фонда 14-18-01833

Проблема массовой культуры в России рассматривается с двух взаимодополняющих точек зрения: определяется отношение самих творцов к массовой культуре (в восприятии и, самое главное, создании которой они принимают участие) – и, в контексте этого восприятия, определяются особенности отношения массовой публики к тем же самым творцам и к другим, но обязательно нашим современникам. Актуализируются сведения о традиционных для России формах общественного признания художественного творчества (почетные звания, награды), подчеркиваются различия между официальным, профессиональным и публичным аспектами признания и любви к творцам в искусстве. Анализируются материалы социокультурного опроса, где был задан вопрос о принадлежности современных писателей, музыкантов, актеров и режиссеров к массовой либо элитарной культуре (200 респондентов из разных регионов России). С полученными результатами сопоставляются материалы интервью, взятых нами у известных современных деятелей искусства: режиссеров, актеров, руководителей театральных институтов. Делается вывод об отдельных совпадениях и явных противоречиях между массовыми и индивидуальными представлениями о массовой культуре, о ее двойственности и многозначности, вопреки привычному мнению о ее простоте и плоскостности.

Ключевые слова: массовая культура, творец, современная Россия, массовое сознание, индивидуальность, противоречия, интеграция, двойственность, многозначность, опрос, интервью.

T. S. Zlotnikova

A Creator and Mass Culture in the Aspect of Duality and Multiplicity of Interactions

The problem of popular culture in Russia is considered from two complementary points of view: it is determined by the attitude of the creators to the popular culture and determined by the attitudes of the mass public to the same modern creators. This article studies information about traditional Russian forms of public recognition of artistic creativity (honour titles, awards), it highlights discrepancies between official, professional and public aspects of recognition and love for the creators in the art. The paper studies the socio-cultural survey, where the question was asked about the ownership of modern writers, musicians, actors and directors to mass or elite culture (200 respondents from different regions of Russia). The obtained results are compared with materials of the interview made by us with famous contemporary artists – directors, actors, rectors of theatre universities. The conclusion is made about individual matches and apparent contradictions between mass and individual notions of the popular culture, its duality and multiplicity contrary to the usual opinion about its simplicity.

Keywords: popular culture, a creator, modern Russia, public consciousness, individuality, contradictions, integration, duality, multiplicity, survey, interview.

При изучении массовой культуры обычно внимание уделяется публике: ее интересам, ее восприятию и выбору объектов. Об этом мы обязательно скажем ниже. Но рассмотрим проблему с двух взаимодополняющих точек зрения: определим отношение самих творцов к массовой культуре (в восприятии и, самое главное, создании которой они принимают участие) и, в контексте этого восприятия, определим особенности отношения массовой публики к тем же самым творцам и к другим, но обязательно нашим современникам.

В России традиционным и весьма позитивным давно уже стало понятие «властитель дум» или, как вариант, «властитель дум и чувств». Для

России до недавнего времени слово «звезда» в отношении серьезного актера или режиссера, писателя или художника было совершенно неупотребимо, привычно было применять его к голливудской плеяде или музыкальным поп-кумирам. В профессиональном опыте автора этих строк была характерная коллизия: в 1970 г. руководство «главной» республиканской русскоязычной газеты «Правда Востока» (Ташкент, Узбекистан) категорически запретило называть статью о популярнейшем актере театра «Современник» Е. Евстигнееве «Любимец публики». Название было заменено на достаточно банальное – «Неожиданность возможностей», но суть не изменилась: Евстигнеев был и воспринимался

именно как любимец публики, истинная «звезда» [5, с. 191–194].

Пастернаковское «быть знаменитым некрасиво» традиционно считалось у русской интеллигенции заповедью скромности, самоотдачи и погруженности в духовно значимую деятельность подлинного творца художественных ценностей. Сама по себе принадлежность к интеллигенции принималась за основание отторжения от массовой культуры, ибо для интеллигенции почиталось значимым «единство сознания и сознаваемых предметов, мышления и мыслимого содержания, разумного мироустройства и чистой духовности, получающей умственное и эстетическое удовольствие как от познания разумности мира, так и самосознания» [7, с. 779]. В отечественной культурной традиции красивая актриса и тем более красивый актер вызывали у профессионалов недоверие, у массовой публики – восхищение, и это противоречие было практически неизбывным; на это обращали внимание наши предшественники, противопоставляя актеру-интеллектуалу «героя-любownika» и «оперного тенора» [2, с. 99], ставя в заслугу выдающемуся актеру наличие у него странного облика – большого носа, толстых губ, выпуклых глаз, опухших век и других непрезентабельных качеств [8, с. 186–187]; на это обращали внимание и мы, выстраивая, с одной стороны, номинативный ряд «героев-любowników», которые благодаря режиссерской воле и собственному таланту опровергали маскультовское клише (М. Козаков, В. Медведев), с другой стороны, актеров-«маргиналов» (упомянутый выше Е. Евстигнеев, в определенной степени – А. Миронов, В. Высоцкий) [5, с. 183–198].

Вопрос о гонораре за созданное произведение, об ожидании публикации, где будет не просто проанализирован, но морально вознагражден труд творца, на протяжении большей части XX в. считался неприличным и невозможным. Народный интерес, признание, даже любовь – да, естественное вознаграждение. Но обратим внимание на сохранившуюся по сей день иерархию почетных званий, присваиваемых творцам в знак поощрения их творческой деятельности: первой ступенью является звание «заслуженный» (артист, художник, в сфере образования – учитель), второй ступенью – «народный». Эти звания начали присваиваться в начале 1920 гг. (народный) и в начале 1930 гг. (заслуженный), статус был заново утверждён в 1990-е гг. В числе первых «народных» РСФСР (1923) были К. С. Станиславский и Л. В. Собинов, а одними из первых народных артистов СССР (1936) были

все тот же К. С. Станиславский, а также несколько актеров МХАТа, Малого театра, актеры из Грузии, Украины и Казахстана. Таким образом, факт массового (народного) признания и любви отчетливо соотносился с социально-политическим значением и статусом того или иного представителя художественно-творческой сферы.

Важно отметить, что первая ипостась награды своим названием наводит на мысль о том, что субъектом признания является либо государственная структура, либо узкопрофессиональный круг, – у них человек «заслужил» признание. Далее, словно бы оправдав награду первого уровня, немногие удостоивались награды второго уровня, название которой позволяло предположить, что, помимо узкой, чиновничьей или профессиональной, сферы, человек снискал признание массовой публики – народа. Отметим попутно, что почетное звание «заслуженный деятель искусств» или «заслуженный деятель науки» – единственное в своем роде, там следующая ипостась не предусмотрена, что, вероятно, свидетельствует о невозможности широкого, массового признания композитора или режиссера (именно они чаще всего получали и получают звание «заслуженный деятель искусств»), тем более – ученого («народных» деятелей науки не существует).

Таким образом, в России советского и постсоветского периодов сложилась четко отстроенная система официального выражения признания представителей художественной сферы через фиксацию масштабов этого признания; как уже было упомянуто, существовало, до распада СССР, почетное звание и третьего, наивысшего, уровня – «народный» (артист, художник) СССР. Последними в 1991 г. этого звания были удостоены действительно народные любимцы – А. Пугачева и О. Янковский.

В ходе социокультурного опроса, проведенного участниками работ по проекту «Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс» (грант Российского научного фонда, на который мы сослались применительно к написанию данной статьи), был задан вопрос о принадлежности 15 современных представителей отечественного искусства к массовой или элитарной культуре. Вопрос был сформулирован следующим образом: *Кого из современных отечественных творцов Вы можете отнести к массовой культуре, кого – к элитарной? (Поставьте против каждой персоны буквы «М»/массовая или «Э»/элитарная).*

1. Акунин Борис (Григорий Шалвович Чхартишвили), писатель

2. Бекмамбетов Тимур Нуруахитович, кино-режиссер
3. Боярская Елизавета Михайловна, актриса театра и кино
4. Вильмонт Екатерина Николаевна, писательница
5. Гергиев Валерий Абисалович, дирижер
6. Глазунов Илья Сергеевич, художник
7. Донцова (Васильева) Дарья Аркадьевна, писательница
8. Миронов Евгений Витальевич, актер
9. Михалков Никита Сергеевич, кинорежиссер и актер
10. Нетребко Анна Юрьевна, певица
11. Прилепин Захар (Евгений Николаевич), писатель
12. Спиваков Владимир Теодорович, скрипач, дирижер
13. Табаков Олег Павлович, актер и педагог
14. Церетели Зураб Константинович, скульптор
15. Юрский Сергей Юрьевич, актер и режиссер

Мы имеем возможность сравнить выражение массового сознания, полученное в ходе опроса, с суждениями нескольких представителей художественной сферы, у которых, в рамках все той же работы по проекту, были взяты интервью. Далее будут представлены материалы опроса и реплики творцов.

Итак, *опрос*.

200 респондентов, живущих в Ярославле, Самаре, Екатеринбурге, Ульяновске, Вологде, а также привлеченные через интернет, высказали мнение, которое представляет следующую картину.

Более половины респондентов к массовой культуре отнесли Д. Донцову (175, но 12 – к элитарной), Е. Боярскую (157, но 28 – к элитарной), Т. Бекмабетова (139, но 40 – к элитарной), Е. Миронова (136, но 42 – к элитарной), Н. Михалкова (127, но 53 – к элитарной), Б. Акунина (119, но 61 – к элитарной).

Немногим менее половины респондентов отнесли к массовой культуре следующую группу: О. Табакова (96, почти столько же (83) – к элитарной), Е. Вильмонт (95, на треть менее (66) – к элитарной, а еще треть (39) – не ответили на вопрос), З. Прилепина (93, на четверть менее (77) – к элитарной, не ответили 28). Почти поровну разделилось количество респондентов, которые отнесли к тому или другому типу культуры З. Церетели (к массовой – 89, к элитарной – 92) и С. Юрского (к массовой – 79, к элитарной – 96). Наконец, значительное превышение респонден-

тов, отнесших к элитарной культуре, обозначило В. Спивакова (всего 27 – массовая, 154 – элитарная), почти столько же В. Гергиева (28 – массовая, 150 – элитарная), близкое соотношение показала характеристика А. Нетребко (65 – элитарная, 111 – массовая) и И. Глазунова (67 – массовая, 108 – элитарная).

Интервью – в них особо обращалось внимание на характеристику отдельных персон и, в целом, российской массовой культуры – были взяты у российских режиссеров и актеров, деятельность которых определенно ставит их на границу между массовой элитарной культурой. Это касается и ролей, которые играют актеры, и аудитории, к которой обращаются режиссеры, и круга постоянного общения, в котором пребывают ректоры. Подчеркнем особо, что мы обратились с просьбой об интервью к людям, совмещающим в своей деятельности несколько ипостасей, каждая из которых «умножает» круг их общения и круг людей, знающих каждого из творцов. Необходимо учесть как статус, так и возраст наших собеседников, который будет указан ниже и, естественно, влияет на пристрастия и суждения, даже на эмоциональную окраску высказываний.

Ниже приводятся фрагменты интервью, взятых лично автором данной статьи.

Режиссер Вологодского театра для детей и молодежи, театральный педагог, председатель регионального отделения Союза театральных деятелей России, народный артист РФ *Борис Александрович Гранатов, 69 лет (интервью от 28.03.2015)*: «К сфере массовой культуры отнесу Акунина, Бекмамбетова, Боярскую, Вильмонт, Глазунова, Донцову, Миронова (Евгения), Михалкова (Никиту), Прилепина, Табакова и Церетели. Для сферы элитарной культуры остаются только музыканты – Гергиев, Нетребко, Спиваков – и, конечно, Юрский».

Ректор Школы-студии МХАТ (вуз), актер МХТ им. А. П. Чехова, заслуженный артист РФ *Игорь Яковлевич Золотовицкий, 54 года (интервью от 30.04.2015 г.)*: «Мне кажется, что в вашем вопросе есть в какой-то степени ответ, если мы берем именно личности в искусстве, такие, как упомянутые Никита Михалков или Олег Павлович Табаков, Олег Ефремов и все, с кем мне в свое время посчастливилось работать... Мне кажется, что в какой-то степени или в какой-то период каждого из них (да и себя я могу так же назвать) можно отнести к массовой культуре, с хорошим знаком, вот что я имею в виду. Я не говорю, что это плохо, что это со знаком “минус”, мне не стыдно за все антрепризы, в которых я участвовал. Это массовая культура? Хотя, к со-

жалению, антрепренерам заработок нужен сразу. Возвращаясь к массовой культуре, можно что сказать, что талантливому и востребованному человеку в разные годы можно отнести к разным группам. И если мы назовем, допустим, Олега Павловича Табакова в “роли” кота Матроскина, он талантливейше это делал, это было блестяще, это было невероятно и потому любимо массовой публикой. Юрский делал массовым зрелищем такую отдельную актерскую профессию, как чтение классики с эстрады. Для меня лучше Юрского нет в этом никого. Когда Юрский читает про дуэль Онегина и Ленского, я понимаю, что *он это видит*. “Графа Нулина” читает... Сергей Юрьевич – это отдельная тема в моей жизни, в нашей общей жизни. На нас будут показывать пальцами и говорить: “Они видели Юрского”. Он – легенда, сродни Мейерхольду».

Ректор Ярославского театрального института, актер Академического театра им. Ф. Г. Волкова, заслуженный артист РФ *Сергей Филиппович Куценко, 62 года (интервью от 13.04.2015 г.)*. Приведем фрагмент нашего диалога.

Т. З. *Пожалуйста, из вашего ближнего или дальнего окружения, может быть, не изнутри вашей профессии, а вообще – в России, кого вы можете отнести к элите? Вот, скажем, там, где было предложено отметить людей, принадлежащих к элитарной или массовой культуре, например, Донцову вы отнесли к массовой, но ведь по происхождению, как известно, она может быть отнесена именно к элите.* **С. К.** «Но я-то имел в виду творчество! Может быть, я не прав, но когда человек сам себя относит к элите, тут есть что-то странное. Это о нем кто-то должен сказать, принадлежит ли он к элите». **Т. З.** *То есть вы считаете, что принадлежность к элите определяет некие особые качественные характеристики человека?* **С. К.** «Да, обязательно. Лихачев был элитой». **Т. З.** *А упомянутый вами Гриценко? Вы ведь не были лично знакомы с ним?* **С. К.** «Нет, к сожалению. Но в его актерской работе – как можно сравнить “простонародную” “Конармию” с “Анной Карениной”? Князь Мышкин или цанни в “Принцессе Турандот”? Это был художник невероятной амплитуды. А этот его монолог в “Семнадцати мгновениях весны”? Это природное актерское качество органичного существования в любой роли, – след божественного поцелуя». **Т. З.** *Как по-вашему, в актерской профессии, отчасти циничной, предельно публичной, где происходит эмоциональное обнажение человека, – могут ли актеры высокого класса восприниматься как элитарное явление? Или, напротив, чем выше класс, чем разнообразнее*

проявления, тем меньше шансов быть отнесенными к элите? **С. К.** «Вот Смоктуновский – это была элита».

Режиссер, актер, продюсер, народный артист РФ *Никита Сергеевич Михалков, 69 лет (интервью от 26.04.2015 г.)*. **Т. З.** *Мы проводим большое социокультурное исследование, посвященное массовой культуре в современной России. И там у нас приведено 15 имен известнейших деятелей отечественной культуры, есть вы, есть Табаков, Юрский, Гергиев и несколько других. Мы предложили нашим респондентам отметить, кого из всех вас относят либо к массовой культуре, либо к элитарной. Причем в условиях вопроса не разводятся позиции, по которым можно отнести к той или иной группе: по характеристике творчества ли, по происхождению ли, по степени известности ли... В частности, вас достаточно часто относят к массовой культуре, а если попросить уточнить, почему, первое, что называют, – ваш фильм «Родня». Наш социокультурный опрос анонимный, мы не знаем, кто именно так или иначе «располагает» вас в пространстве культуры, но люди не разводят причины, по которым выносят то или иное суждение. Но примерно в 2/3 случаев вас и вместе с вами прежде всего Табакова относят к массовой культуре. Мы же не спрашиваем про происхождение, про бабушек, дедушек, прадедушек и так далее. Вопрос: вы сами – что из своих лент на самом деле относите к массовой культуре?*

Н. М. «Дело в том, что идет путаница понятий, вложенных в слова “массовая культура”. Массовая культура обычно – это, наверное, Киркоров, балаганные театры или Алла Борисовна Пугачева. То есть шоу-бизнес, телевидение, медийность. То, что относят к массовой культуре меня или Олега Табакова, – это неправильное понимание значения этих слов. Потому что мы с вами, наверное, вкладываем в слова “массовая культура”, условно говоря, представление об интеллектуальном *MacDonalds*. Быстро, дешево и невкусно. И вредно к тому. В данном случае то, что относится ко мне или Табакову, – это узнаваемость, и меня относят к массовой культуре в связи с тем, что меня узнают. Люди просто путают понятия. Но я должен с изумлением для себя, а может быть, и для вас, сказать, что мне ни одна картина не приносила столько внимания публики, как приносит программа «Бесогон» [9, с. 236–241]. Грустно! Потому что... откуда он родился? Я сказал Добродееву (*О. Б. Добродеев – генеральный директор ВГТРК. – Т. З.*): «Я не могу больше ходить на телепередачи, где все орут друг на друга с утра до ночи, у Соловьева или еще у ко-

го-то. Если хочешь, чтобы я что-то сделал, давай – я буду читать». «Ты будешь читать, а что зрители будут делать?» – спросил Добродеев. Я ответил: «Представь себе, у светофора на красный свет остановились машины: “Бентли”, “Ягуар” стоит, “Мазератти”, “Фольксваген” новый, стоит “Рендж Ровер”. И стоит “Москвич”. На какую машину будут смотреть? Конечно, на “Москвич”. Давай попробуем сделать такую патриархальную, едва ли не архаичную передачу». И мы вошли в топ-5 канала Россия-24. И только по одной причине: я нигде не пытаюсь фигурировать сам по себе, я читаю – но подбираю то, что мне интересно. Я поражен тем, с каким интересом и ожиданием люди, которые уже вкусили этого, приходят на разговор. Поэтому меня узнают. Ах, Михалков воплощает массовую культуру! Да, я появляюсь раз в две недели, но в принципе массовая культура – это совершенно другое. Тем не менее, очень во многом массовая культура очень зависит от того, насколько развита немассовая культура, она все равно производное от немассовой культуры. И если в стране, пусть в каком-то месте, в регионе, вот в этом зале преобладает любовь к Чехову, Шекспиру и Толстому, то шоу, сделанное людьми, которые, условно говоря, сидят в этом зале, – это будет шоу, сделанное людьми, которые знают, что такое Чехов, Шекспир и Толстой. Поэтому можно сказать, что массовая культура – это огромная сила, умноженная еще на интернет и на телевидение, но тут нужно отделять зерна от плевел, видеть, что есть “настоящее”».

Сопоставляя материалы социокультурного опроса и интервью, мы видим важное и весьма показательное свидетельство определенных совпадений в суждениях «массы» и деятелей искусства, имеющих значительный опыт и, несомненно, выработанный воспитанием и образованием эстетический вкус. Например, Б. А. Гранатов без сомнений отнес к элите тех же, кого и массовая публика: Гергиева, Нетребко, Спивакова, с дополнением «конечно» – Юрского. Однако корреляция индивидуальных и массовых суждений вовсе не однозначна, что говорит не о качественных дефектах массового сознания, а лишь о том, на что обратил внимание в своей реплике Н. С. Михалков: об инерционности, клишированности даже не выработанных, но высказанных представлений. В силу такой клишированности и «масса», и отдельный собеседник (Б. А. Гранатов) отнесли Н. С. Михалкова скорее к массовой культуре, а И. Я. Золотовицкий вступил в дискуссию с массой, безоговорочно отнеся О. П. Табакова (по поводу которого мнение «мас-

сы» разделилось практически пополам) к элитарной культуре.

Обратим внимание на то, что мотивировки, объясняющие принадлежность к массовой либо элитарной культуре и приведенные индивидуальными собеседниками, которые к тому же сами являются театральными и кинематографическими творцами, имеют важную доминанту: уникальность таланта. Именно о ней говорят и С. Ф. Куценко – применительно к актерам Н. О. Гриценко и И. М. Смоктуновскому, И. Я. Золотовицкий – к актерам О. П. Табакову и С. Ю. Юрскому, Н. С. Михалков – к тому же О. П. Табакову и, естественно, к самому себе.

Характерно при этом: никто из наших собеседников не стал обсуждать социальное происхождение, воспитание, образование как детерминанту суждения. Ничтоже сумняшеся, они, как и носители массового сознания, отнесли к массовой культуре и «девочку из хорошей семьи» писательницу Д. А. Донцову, и высокообразованного переводчика и специалиста по японской литературе Б. Акунина/Г. Ш. Чхартишвили [4, с. 201–206; 6, с. 11–19].

В то же время явная и наивная, но весьма характерная аберрация восприятия заметна в ответах «массы» и, отчасти, индивидуальных собеседников относительно представителей музыкальной культуры. Так, певица А. Ю. Нетребко, рожденная на Кубани и обладающая типично южным темпераментом, откровенным свободолюбием и подчеркнутой склонностью к легкой девиации, решительно не склонная ни в обыденных, ни в сценических проявлениях к изысканности и сдержанности (напомним о ее широко известных *pas*, например, сбрасывании обуви и прыжках босиком по концертной сцене, взмахах подолом юбки выше головы, резких телодвижениях, тесных объятиях с партнерами), казалось бы, менее всего может рассматриваться в контексте элитарной культуры. Обладая ярким вокальным дарованием и сильным, живым характером, певица имеет как преданных поклонников, так и резко, даже презрительно относящихся к ней противников. Однако привычка видеть в оперном певце воплощение элитарности (длительная профессиональная подготовка, привитие «хороших сценических манер», владение иностранными языками, на которых сейчас принято исполнять оперные произведения), некритично воспринятая массой, сказывается в том, что и «масса», более 50 % респондентов, и индивидуальные собеседники видят в певице А. Ю. Нетребко, как и в дирижере Мариинского театра В. А. Гергиеве, представителей элитарной культуры.

К элитарной же культуре более 75 % респондентов отнесли скрипача и дирижера В. Т. Спивакова, которого в начале его дирижерской карьеры, примерно тридцать лет назад, постоянно упрекали в «масскультовости», в апелляции к низкому вкусу недостаточно подготовленной, нефилармонической публики, которой нравится слушать общеизвестные, привычные классические произведения...

Таким образом, мы обнаруживаем в современной российской массовой культуре характерные и взаимно интегрированные тенденции.

Во-первых, это тенденция установления иерархии *любимого* – простого, понятного – и обязательного – *более сложного*, не всегда приятного; при этом любимое далеко не всегда является высоким и прекрасным, публика это сознает, но принимает как данность – по привычке, по инерции, что является характерной особенностью массового сознания, тяготеющего к массовой культуре. Мы имеем дело с тем, что В. Вейдле когда-то назвал «суррогатами», более опасными, чем даже отрицание искусства как такового [3, с. 280]. В этом случае к массовой культуре публика относит *привычное* – как сказал бы Г.-К. Честертон, «конфетное искусство» [10, с. 216], а Р. Барт называл это «пластмассой» [1, с. 212]; к элитарной же относит все остальное.

Во-вторых, обнаружена тенденция определенного противоречия, возникающего между массовым и индивидуальным сознанием, когда индивидуальное сознание за точку отсчета принимает не внешние признаки творческой деятельности, начиная с понятности и приятности и заканчивая узнаваемостью той или иной творческой личности, – но масштаб и оригинальность творческой деятельности.

Все сказанное позволяет утверждать, что массовая культура в ее выявленном нами российском дискурсе предстает в своей двойственности и многозначности, вопреки привычному мнению о ее простоте и плоскостности.

Библиографический список

1. Барт, Р. Мифологии [Текст] / Р. Барт. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – С. 212.
2. Беньяш, Р. М. Иннокентий Смоктуновский [Текст] / Р. М. Беньяш // Беньян Р. М. Без грима и в гриме : театральные портреты. – Л. : Искусство, 1971. – С. 99.
3. Вейдле, В. Умирание искусства [Текст] / В. Вейдле // Самосознание европейской культуры XX века. – М. : Политиздат, 1991. – С. 280.
4. Злотникова Т. С. Имитация «документального» и симуляция «художественного» в современной массовой

культуре [Текст] / Т. С. Злотникова // Филология и культура. – № 37 (3). – С. 201–206.

5. Злотникова, Т. С. Эстетические парадоксы актерского искусства: Россия, XX век [Текст] / Т. С. Злотникова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. – С. 191–194.

6. Злотникова, Т. С., Ерохина, Т. И. Мужской архетип в игровом поле российской массовой культуры [Текст] / Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина // Вопросы культурологии. – 2014. – № 11. – С. 11–19.

7. Кондаков, И. В. Интеллигенция [Текст] / И. В. Кондаков // Культурология : энциклопедия : в 2-х т. – Том 1 / главный редактор и автор проекта С. Я. Левит. – М. : РОССПЭН, 2007. – С. 779.

8. Крымова Н. А. Юрский [Текст] / Н. А. Крымова // Крымова Н. А. Имена: рассказы о людях театра. – М. : Искусство, 1971. – С. 186–187.

9. Малеина, Е. А. Никита «Бесогон» Михалков – поступок и образ в российском интернет-пространстве [Текст] / Е. А. Малеина // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 2. – С. 236–241.

10. Честертон, Г.-К. Эссе [Текст] / Г.-К. Честертон // Самосознание европейской культуры XX века. – М. : Политиздат, 1991. – С. 216.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bart, R. Mifologii [Tekst] / R. Bart. – M. : Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1996. – S. 212.
2. Ben'jash, R. M. Innokentij Smoktunovskij [Tekst] / R. M. Ben'jash // Ben'jan R. M. Bez grima i v grime : teatral'nye portrety. – L. : Iskusstvo, 1971. – S. 99.
3. Vejdle, V. Umiranje iskusstva [Tekst] / V. Veydle // Samosoznanie evropejskoj kul'tury HH veka. – M. : Politizdat, 1991. – S. 280.
4. Zlotnikova T. S. Imitacija «dokumental'nogo» i simuljacija «hudozhestvennogo» v sovremennoj massovoj kul'ture [Tekst] / T. S. Zlotnikova // Filologija i kul'tura. – № 37 (3). – S. 201–206.
5. Zlotnikova, T. S. Jesteticheskie paradoksy akterskogo iskusstva: Rossija, HH vek [Tekst] / T. S. Zlotnikova. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2013. – S. 191–194.
6. Zlotnikova, T. S., Erohina, T. I. Muzhskoj arhetip v igrovom pole rossijskoj massovoj kul'tury [Tekst] / T. S. Zlotnikova, T. I. Erohina // Voprosy kul'turologii. – 2014. – № 11. – S. 11–19.
7. Kondakov, I. V. Intelligencija [Tekst] / I. V. Kondakov // Kul'turologija : jenciklopedija : v 2-h t. – Tom 1 / glavnyj redaktor i avtor proekta S. Ja. Levit. – M. : ROSSPJeN, 2007. – S. 779.
8. Kryмова N. A. Jurskij [Tekst] / N. A. Kryмова // Kryмова N. A. Imena: rasskazy o ljudjah teatra. – M. : Iskusstvo, 1971. – S. 186–187.
9. Maleina, E. A. Nikita «Besogon» Mihalkov – postupok i obraz v rossijskom internet-prostranstve [Tekst] / E. A. Maleina // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2015. – № 2. – S. 236–241.
10. Chesterton, G.-K. Jesse [Tekst] / G.-K. Chesterton // Samosoznanie evropejskoj kul'tury HH veka. – M. : Politizdat, 1991. – S. 216.